

gas“, latv. *saŕgāt* „sergėti“⁵. Dėl šio prūsų žodžio priesagos *-ste* (= liet. *-stė*) plg. liet. *veŕpstė: veŕpia, veŕpti, sviŕstė* „svirtis“: *sviuro, sviurti* ir pan. Prūs. *sarkstes* anksčiau, galima manyti, buvo *i*-kamienis, plg. prūs. *sansy* < *zansē: liet. *žąsis*, prūs. *pette*: liet. *petis*, latv. *sakne*: liet. *šaknis* ir kt. (plg. Pr. Skardžius. I. c., 54, 328 ir sek. psl.). Tokią prūs. *sarkstes* lytį, t. y. *sargstis (vns. vard.), plg. su liet. *svirstis, -iės* (Gervėčiai): *svirstė* (Melduičiai) ir kt. Pagaliau, nepatikimas yra minėtų hetitiškų žodžių etimologinis gretinimas ir su liet. *švaŕkas, šaŕkas* (Būga pateikia lytis: *švaŕkai, šaŕkai* (žr. K. Būga. I. c., 289 psl.), latv. *svārki* (B. Čop, I. c., 21—22 psl.), nes jie yra skoliniai (žr. K. Būga. I. c., M. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca, III s., 1144 lpp.).

⁵ Tolimesnę etimologiją žr. R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wrb., S. 257—258.

К ВОПРОСУ ОБ ОМОНИМАХ

Заметка по поводу статьи В. И. Абаева «О подаче омонимов в словаре» («Вопросы языкознания», 1957, № 3)

С. М. Потапов

В. И. Абаев на ряде удачно подобранных примеров показывает, как благодаря «необычному пониманию омонимии... в одних и тех же словарях от одного издания к другому количество омонимов катастрофически растет». Автор, несколько гиперболизируя создавшееся положение, высказывает опасение: «Если так пойдет дальше, то через десяток лет наши словари будут сплошь и рядом состоять из одних омонимов» (стр. 31).

Заинтересовавшись вопросом, откуда берутся в таком количестве новые омонимы, В. И. Абаев устанавливает: «К счастью, дело оказалось не хитрое. Размножение омонимов идет в основном за счет полисемии: *вольный* «свободный» и *вольный* «имеющий возможность свободно делать что-н.»; *долг* «обязанность» и *долг* «взятое взаймы»; *лад* в быту и *лад* в музыке и т. д.» (стр. 31—32).

В статье справедливо указывается на недостаток наших словарей — смешение в некоторых случаях омонимии и полисемии. Однако с отдельными теоретическими положениями, высказанными в анализируемой статье, едва ли можно соглашаться.

Ошибки в работе наших лексикографов при разграничении слов-омонимов и разных значений одного и того же слова имеют место. Но отсюда никак не следует, что получившие признание взгляды на омонимы требуют каких-либо существенных исправлений. Нельзя брать

под сомнение теорию только потому, что при применении ее в практической работе могут встречаться те или иные ошибки.

Нам кажется, что автор, пытаясь стоять на позициях исторической лексикологии, погрешает против историзма в вопросе об омонимах.

Подлинными омонимами он считает лишь омонимы корневые, исторически не имеющие между собой никакой семантической связи (*бор* «лес» и *бор* «машина», *брак* в производстве и *брак* «супружество», *град* «город» и *град* «осадки» и пр.), и омонимы словообразовательные, которые этимологически между собой связаны и образованы из одних и тех же элементов, но возникли и жили независимо один от другого (*бумажник* «портфельчик» и *бумажник* «рабочий бумажной промышленности», *раствор* «жидкая смесь» и *раствор* двери и т. п.). Созвучие всех этих слов, по мнению В. И. Абаева, есть игра случая (стр. 41). Вызывают сомнение дальнейшие суждения автора о так называемых «семантических омонимах»: «Если перед нами расщепление значений когда-то единой лексемы в рамках документированной истории данного языка, то, как бы далеко ни разошлись значения и как бы велик ни казался «разрыв семантических связей», мы можем говорить только о полисемии, но никак не об омонимии. Омонимия возникает не тогда, когда возникает впечатление «разрыва семантических связей», а лишь в том случае, если этих связей никогда в истории данного языка не существовало» (стр. 42).

Если принять эту точку зрения, то труд наших лексикографов, связанный с распознаванием омонимов, будет облегчен, но семантические омонимы, независимо от наших взглядов на них, не перестанут существовать. Они не перестанут существовать в языке и в том случае, если совсем не будут отражены в словарях. Пострадает не язык с его реально существующими семантическими омонимами, а пострадают наши словари, вернее, те, кто будет пользоваться этими словарями, поскольку они не будут находить в них правильного отражения реальных фактов языка.

Дело не в отказе (хотя бы и в словарях) от объективно существующих семантических омонимов, а в том, чтобы их правильно распознавать и отграничивать от случаев полисемии, насколько позволяет это современная наука.

Семантические омонимы — это не просто далеко разошедшиеся значения одного слова, а значения отдельных слов, порвавших между собой какие бы то ни было смысловые, ассоциативные связи. Когда я вижу плывущий в небе *месяц*, у меня даже намек нет на мысль о *месяце* — 1/12 части года; когда я говорю: «*считаю* его хорошим человеком», → в моем сознании не присутствует и тени намек на счет в арифметическом смысле. То же можно сказать о *белке* яйца и *белке* «органическом веществе», о *ручке* «маленькой руке» и *ручке*, которой пишем; о *совете* «наставления» и *совете* «органе государственной власти»; о *ключе* «источнике» и *ключе* «отмычке» и т. д.

С точки зрения исторической лексикологии каждая приведенная

пара слов есть не что иное, как выражение разных значений одного слова; с точки же зрения говорящих на русском языке сейчас это разные слова. Между этими словами, хотя их значения и вышли из одной точки, нет ничего общего, кроме звучания. Это такие же разные слова, как корневые и словообразовательные омонимы. Смысловые связи между значениями этих слов теперь утеряны; следовательно, теперь это разные слова, хотя они и звучат одинаково.

Между значениями одного слова, его «семантическими формами», по меткому определению В. В. Виноградова, имеются смысловые, ассоциативные связи; между семантическими омонимами, когда они стали таковыми, подобных связей нет. Поистине только предвзятая, оторванная от живой речи, мысль лингвиста может не заметить разницы между значениями одного слова и семантическими омонимами.

Как бы остроумно ни говорил В. А. Абаев о «познании статьи через историю», нельзя с ним согласиться, что омонимия — это только случайное созвучие разных по происхождению слов, но никак не созвучие, основанное на генетической связи.

Омонимия — это не только первое, но и второе при условии, если смысловые, ассоциативные связи между значениями данных слов отсутствуют.

Могут спросить: а где же объективный критерий того, что перед нами в том или ином случае действительно выступают омонимы, а не разные значения одного слова?

Какого-то простого рецепта на этот счет не существует.

Как известно, разные значения слов получаются чаще всего в результате использования одного и того же слова с определенной семантикой для обозначения других предметов, имеющих какие-то общие черты с тем предметом, за которым до этого было закреплено данное слово.

До тех пор, пока в сознании людей присутствует «ощущение» связи между обозначаемыми словом явлениями, мы имеем дело с полисемией. С утерей этого мы получаем омонимы.

Дело, конечно, не в терминах, а в сути анализируемого явления. Если даже согласиться с В. А. Абаевым, т. е. считать омонимами только слова-случайные созвучия, но различные по происхождению, все равно потребуется выделить в особую группу так называемые «семантические омонимы».

Нельзя смешивать явления подлинной полисемии, где к разным значениям слова часто легко подыскиваются одни и те же синонимы, с явлениями мнимой полисемии, когда к значениям слов нельзя дать одни и те же синонимы. Нельзя факты одной эпохи механически переносить в другую эпоху, по крайней мере в данном случае. Значения слов, их связи не всегда воспринимаются нами так, как они воспринимались нашими предками, а с этим надо считаться, если мы хотим правильно отражать факты языка. Автор иронизирует по поводу этого положения, но это не колеблет его истинности.

Если стать на точку зрения В. И. Абаева, можно предположить, что количество омонимов будет уменьшаться, ибо то, что в некоторых случаях мы считаем сейчас омонимами в соответствии со взглядами автора (одинаково звучащие слова, но разные по происхождению), со временем могут стать разными значениями одного слова, если будет доказана общность происхождения этих слов.

А что же от этого изменится для говорящих? Ровным счетом ничего. Докажете вы общность происхождения такой-то пары слов или не докажете, говорящий все равно, независимо от этого, будет воспринимать их как именно два слова с совершенно разными значениями.

Язык, его словарь, в частности, развивается и за счет роста омонимов, получающихся в результате полного разрыва, «расщепления» значений одного слова.

Конечно, исследователь в известных случаях будет сталкиваться с трудностями при отношении тех или иных фактов к омонимии или к полисемии; не свободны будут, возможно, полностью и наши словари от некоторого налета субъективных и не всегда верных взглядов составителей словарей на явления омонимии. Задача лексикографов и всех тех, кто интересуется вопросами лексикографии, свести к минимуму эти недочеты или совсем избежать их. Это лучше, чем то, что советует сделать В. И. Абаев, т. е. вообще отказаться при составлении словарей от понятия «семантические омонимы».

Чтобы избежать в таких случаях ошибок, нужно знать, как воспринимает анализируемые явления большинство говорящих на данном языке, и из этого исходить. Это трудный, но наиболее плодотворный путь.

Если между значениями одинаково звучащих слов, хотя бы и вышедших когда-то из одной точки, из одного понятия, так же мало в данное время общего (общих смысловых, ассоциативных связей), как, напр., между любыми другими словами; если между ними нет смысловых точек соприкосновения, которые говорили бы об общности, единстве их значений, мы имеем перед собой омонимы. Если же между значениями таких слов можно провести связующие их смысловые нити, а тем более подобрать к ним общие синонимы, то эти значения являются разными сторонами одного понятия, то есть выражением полисемии.
